

14. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
15. Торговля в Республике Башкортостан: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа, 2013.
16. Торговля в Республике Башкортостан: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа, 2015.
17. Хекшер Э.Ф. Влияние внешней торговли на распределение дохода // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под ред. А.П. Киреева. М.: Теис, 2006. С. 154–173.
18. Царев И.В. Обеспечение сбалансированности регионального рынка на основе управления товарными потоками: диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. Москва, 2005.
19. Экономика Башкортостана: учеб. для вузов и ссузов / под общ. ред. Х.А. Барлыбаева. 3-е изд., перераб. и доп. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2007. 544 с.

Универсальный базовый доход как инструмент защиты беднейших слоев населения во время пандемии COVID-19

Universal Basic Income to Protect the Poorest During the COVID-19 Pandemic
(DOI: 10.34773/EU.2021.4.5)

З. ИБРАГИМОВА

Ибрагимова Зульфия Фануровна, канд. экон. наук, доцент кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: badertdinova@mail.ru

В последние годы универсальный базовый доход находится в центре общественных дискуссий. В этой статье обсуждается роль, которую эта концепция может играть при наличии таких вызовов, как пандемия COVID-19, цифровая революция и глобализация, а также возможные последствия ее реализации. Кроме того, в статье собраны результаты эмпирических данных, которые могут помочь понять потенциальные эффекты от воплощения концепции в жизнь.

Ключевые слова: универсальный базовый доход, социальные пособия, ежемесячные выплаты, бедность, неравенство доходов.

In recent years, universal basic income has been at the center of public debate. This article discusses the role this policy can play in the face of challenges such as the COVID-19 pandemic, the digital revolution and globalization, and the possible implications that its implementation could have. In addition, the article compiles empirical findings to help understand the potential effects of these policies.

Key words: universal basic income, social benefits, monthly payments, poverty, income inequality.

Основные положения:

- универсальный базовый доход представляет собой возможное решение некоторых последствий пандемии, а также решение «старых» проблем экономики, включая нестабильную занятость и неравномерность распределения доходов;
- к концу XX века модель универсального базового дохода перестала быть чистой теорией, и была реализована как пилотный проект во многих странах мира;
- пилотные программы универсального базового дохода ориентированы на узкий сегмент, поэтому эффекты можно оценить только частично.

Введение

Кризис, вызванный пандемией COVID-19 и многомесячной изоляцией во многих странах, потряс мировую экономику и вынудил правительства разработать и реализовать различные меры по восстановлению экономики. В такой ситуации универсальный базовый доход (Universal Basic Income, UBI) вновь оказался в центре общественных дебатов в разных странах.

Изначально UBI являлся концепцией, призванной устранить последствия растущего неравенства и укрепить социальную справедливость. В литературе предлагаются разнородные определения UBI, отражающие различия в подходах к пониманию его сущности. Наиболее известным и принятым в научном сообществе определением UBI является трактовка благотворительной организации BIEN (Basic Income European Network), согласно которой «универсальный базовый доход представляет собой периодическую денежную выплату, безоговорочно выплачиваемую всем на индивидуальной основе, без каких-либо проверок нуждаемости или требований к работе» [11].

Идея UBI не нова, она развивалась на протяжении всей истории и появлялась под различными ярлыками, такими как государственный бонус, социальный дивиденд, территориальный дивиденд, доход гражданина, демогрант [2, 129]. В работах либералов и социалистов-утопистов XVIII–XIX веков, в том числе Томаса Пейна, Томаса Спенса, Шарля Фурье, Джозефа Шарлье и Джона Стюарта Милля можно увидеть намеки на концепцию UBI. Она получила поддержку как левых, так и правых сторон политического спектра. Например, ее версии были предложены левоцентристскими экономистами Д. Тобином и Дж. Мидом, которые вдохновили М. Фридмана на разработку отрицательного подоходного налога [2, 129]. Он выступал за гарантированный минимальный доход как средство достижения свободы выбора, сокращения бюрократизма, поощрения занятости и равенства.

Возрастающая популярность UBI отчасти объясняется тем, что «...это идея, а не просто программа» [13, 17], а также «...это урок и идеал, а не только экономическая политика» [18, 191]. При этом видный экономист Т. Аткинсон подчеркивает, что UBI «...это не просто форма перераспределения; это моральное заявление» [9].

Таким образом, как показал анализ литературы, на сегодняшний день преобладает мнение, что UBI это гуманистическая идея, возможное применение которой может коренным образом изменить экономическую реальность. Эту концепцию можно использовать для борьбы с бедностью и для снижения неравенства, а также для ликвидации пробелов в охвате социальным обеспечением.

Методы

В данной работе применялись следующие методы: системный подход, аргументация, анализ, описательный и логический методы. В рамках сравнительного анализа были определены преимущества и недостатки реализации этой социальной концепции.

Результаты и обсуждение

UBI – это концепция, которая характеризуется рядом свойств: универсальность (по отношению ко всем), безусловность (без ограничений), периодичность (выплачивается регулярно), индивидуальность (выплачивается только индивидуально) и выплачивается исключительно денежными средствами. Из перечисленных свойств универсальность, безусловность и предоставление исключительно денежными средствами считаются базовыми.

Камнем преткновения в дискуссии об эффективности UBI является идея о том, что модель охватывает каждого члена общества, а не только отдельный социальный слой. Недовольство вызывает то, что выплаты получают все индивиды, включая и людей со средним и высоким доходом, которым не нужна денежная поддержка.

В связи с тем, что данная концепция предполагает выплату всем, потребуются значительные финансовые ресурсы. Вопрос об источниках финансирования находится в центре ожесточенных споров политиков и ученых. Ряд исследователей отмечают, что при реализации модели UBI программы социальной помощи потеряют смысл, поскольку UBI как концепция будет предназначена для всех, т.е. как для тех, кто в ней нуждается, так и для тех, кто в ней не нуждается. Например, в [13] отмечается, что финансирование программ UBI будет возможно только при одновременном сокращении существующих расходов на социальную защиту или повышении налогообложения. Таким образом, часто в литературе «универсальность» ставится под сомнение, а UBI рассматривается как форма перераспределения доходов.

Еще одним аргументом критиков является утверждение о том, что реализация UBI может привести к инфляции. Можно предположить, что в данном случае подразумеваются следующие причинно-следственные связи: увеличение количества денег на руках потребителей приведет к росту спроса и будет поощрять людей платить больше за товары и услуги, что подтолкнет производителей к повышению цен. Авторы в работе [13] пришли к выводу, что возможное влияние на инфляцию и интенсивность не предопределено, а зависит от общих рыночных условий, конкретного рынка товаров и услуг, размера выплат и продолжительности поддержки.

Споры вызывают и вопросы о целях использования выплат. Так, если одни индивиды могут использовать сумму UBI в своих интересах, улучшая качество питания, инвестируя в собственное здоровье, образование и т.д., то другие – для увеличения потребления психоактивных веществ (наркотики, опиаты, сигареты и т.д.). Есть предположения [17], что полученная сумма UBI примет форму сбережений на «черные дни». Авторы в [14] показали, что ежемесячные трансферты с большей вероятностью, чем единовременные выплаты, улучшают продовольственную безопасность, тогда как единовременные выплаты с большей вероятностью будут тратиться на товары длительного пользования.

Нет консенсуса и в отношении размера выплат UBI. Одно из предложений состоит в том, что размер UBI должен быть достаточным, чтобы вывести людей из крайней бедности. В литературе [4] уровень крайней бедности обычно эквивалентен 40% медианного дохода общества. При таком подходе упускается из виду то, что во всех регионах внутри страны будет выплачиваться одинаковая сумма. Например, в России существует огромная межрегиональная дифференциация, следовательно, средний доход может сильно различаться от региона к региону. Кроме того, если UBI «предоставляется отдельным лицам, то домохозяйства с большим количеством членов из-за эффекта масштаба будут иметь гораздо более высокий эквивалентный доход» [13, 42].

Еще одним активно обсуждаемым вопросом является возраст получателей универсального базового дохода. Например, в [7] авторы считают, что доход, предоставляемый несовершеннолетним, должен составлять от 20 % до 30 % дохода взрослых в соответствии со шкалой эквивалентности.

Несмотря на множество нерешенных вопросов, UBI может стать хорошим инструментом в борьбе с безработицей и снижением доходов, вызванными пандемией COVID-19. С помощью UBI можно избежать «ловушки бедности», потому что при действующей системе социальной помощи индивид теряет право на помощь, когда его доход превышает определенный уровень.

Высказываются предположения, что UBI будет стимулировать предпринимательство и самозанятость, т.к. индивид может использовать полученную сумму для реализации бизнес-идеи или дальнейшего образования. Данные выводы подтверждаются и многочисленными эмпирическими исследованиями. Например, в [14] показано, что безусловные переводы повышают психологическое благополучие за счет снижения уровня гормона стресса кортизола. Авторы в [16] анализируя результаты проведенного в 2017–2018 гг. финского эксперимента по базовому доходу, пришли к выводу, что у получателей базового дохода было значительно меньше проблем, связанных со здоровьем, стрессом и способностью концентрироваться, чем у участников, которые не получали выплат.

Критики UBI особо указывают на аргумент о демотивации при приеме на работу. Сторонники же отмечают, что UBI может помочь людям выбрать наилучший вариант работы. В данном случае вместо того, чтобы принимать то, что предлагают, у индивидов будет больше времени, чтобы сделать правильный выбор работы. «Это усилит конкуренцию за таланты между конкурирующими компаниями, заставляя их предлагать работникам большие льготы, начальную зарплату и более безопасные условия труда. С другой стороны, эта возросшая конкуренция за труд снизит потребность в профсоюзах. Трудовые нормы будут ослаблены или аннулированы в массовом порядке. Например, правительства больше не будут отстаивать минимальную заработную плату, поскольку UBI будет удовлетворять основные жизненные потребности каждого гражданина» [1, 122].

Авторы в [15] оценили влияние введения UBI на рынок труда Аляски и пришли к выводу, что дивиденды не повлияли на занятость и увеличили частичную занятость на 1,8 п.п. (17 %). Изучив влияние общенациональной программы безусловных денежных переводов на предложение рабочей силы в Иране, авторы другой работы [19] также не нашли доказательств того, что денежные переводы сокращают предложение рабочей силы. Напротив, они показали, что работники сектора услуг увеличили свое рабочее время после начала выплат. Наконец, в [16] приведены результаты эксперимента с базовым доходом для безработных в Финляндии. Согласно полученным результатам, безработные имеют одинаковую вероятность уйти с работы, независимо от того, получают они базовый доход или нет.

Влияние кризиса, ставшего следствием пандемии COVID-19, накладывается на влияние глобализации и цифровизации на рынок труда. В связи с этим, популярна идея, согласно которой UBI может помочь обществу адекватно справиться с изменениями в структуре занятости и производительности, вызванными четвертой промышленной революцией. Полученные эмпирические результаты весьма противоречивы. С одной стороны, авторы в [12] обнаружили, что «около 47 % общей занятости в США относится к категории высокого риска», т.е. являются рабочими местами, которые могут быть автоматизированы в течение следующих 10–20 лет. С другой стороны, в [8] предсказывается, что «в среднем по 21 стране ОЭСР только 9 % рабочих мест можно автоматизировать». Еще в одной работе показано, что «один робот на тысячу рабочих снижает соотношение занятых к численности населения примерно на 0,18–0,34 процентных пункта, а заработную плату – на 0,25–0,5 процента» [5]. Однако, авторы в [6] показали, что, поскольку роботы повысят производительность труда, увеличится и общий доход, следовательно, богатство в обществе возрастет.

Нет сомнений в том, что многие рабочие места исчезнут, а высокая неопределенность в продолжительности переходного периода четвертой промышленной революции ставит общество перед серьезной проблемой, в решении которой UBI может сыграть свою определенную роль. В данном случае, UBI будет действовать как перераспределительный механизм, особенно помогая тем, кого безвозвратно заменят машины и роботы. Кроме того, чтобы свести к минимуму количество людей, заменяемых цифровизацией, необходимо постоянное обучение и обновление знаний работающих, и UBI может предоставить финансовые возможности для совершенствования навыков и повышения уровня образования.

Несмотря на все противоречия, «в последние десятилетия многие страны и регионы в рамках отдельных стран полностью или экспериментально реализовали идею базового дохода. После десятилетий преимущественно гипотетических дебатов пилотные проекты были запущены не только в развивающихся, но и в развитых странах мира» [3, С.115]. Например, пилотные проекты UBI реализуются в Бразилии, Иране, Кении, Макао, США и др.

Не все реализованные программы соответствуют всем трем необходимым характеристикам, необходимым, чтобы называться программами UBI. Многие из них разработаны в форме пилотных проектов с целью проверки основных допущений модели универсального базового дохода. Считается, что эффекты от их внедрения можно оценить только частично, т.к. они преимущественно ориентированы на определенную социальную группу и относительно не долгосрочны. Кроме того, до настоящего времени в экспериментах в основном принимали участие только главы домохозяйств, поэтому, строго говоря, денежные выплаты нельзя назвать «универсальными» [10].

В целом, если рассматривать UBI как потенциальный макроэкономический стабилизатор, а не как нежизнеспособную утопическую концепцию, то в конечном итоге можно получить более эффективный инструмент, отвечающий современным реалиям, чем существующие системы социальной защиты, которые чрезмерно бюрократизированы и влекут риск возникновения «ловушки бедности».

Заключение

Очевидно, что пандемия коронавируса не примирит сторонников и противников УБИ, однако УБИ может стать эффективным инструментом смягчения последствий экономического кризиса.

Литература

1. Ибрагимова З.Ф. К вопросу о «плюсах» и «минусах» универсального базового дохода. Практика регулирования социально-экономических и социокультурных отношений в полиэтничном регионе: Сборник научных трудов Республиканского круглого стола / науч. ред. Г.М. Россинская. Уфа: РИЦ БашГУ. 2020. 140 с.
2. Ибрагимова З.Ф. Поиск альтернативных вариантов социальной политики: идея универсального базового дохода // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 2. С. 129–133.
3. Ибрагимова З.Ф. Универсальный базовый доход: от утопической концепции до повседневной реальности // Междисциплинарный подход к исследованию современных социально-экономических процессов: сборник научных трудов / науч. ред. Г.М. Россинская. Уфа: РИЦ БашГУ. 2020. 212 с.
4. Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. № 1. С. 155–175.
5. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and jobs: Evidence from US labor markets. NBER Working Paper 23285. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2017.
6. Acemoglu D., Restrepo P. The race between man and machine: Implications of technology for growth, factor shares, and employment // American Economic Review. 2018. № 108(6). Pp. 1488–1542.
7. Arcarons J., Raventós D., Torrens L. Feasibility of Financing a Basic Income // Basic Income Studies. 2014. № 9 (1-2). Pp. 79–93.
8. Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis. OECD Social, Employment and Migration Working Papers № 189. Paris: OECD Publishing, 2016.
9. Atkinson A. Basic Income: Ethics, Statistics and Economics // Paper based on presentation made at Basic Income and Income Redistribution workshop, Centre for Research in Economic Analysis, University of Luxembourg, April 2011.
10. Banerjee A., Niehaus P., Suri T. Universal Basic Income in the Developing World // The Annual Review of Economics. 2019. № 11(1). Pp. 959–983.
11. Basic Income European Network (BIEN) [Электронный ресурс]. URL: <https://basicincome.org/basic-income/>
12. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? // Technological Forecasting and Social Change, 2017. № 114. Pp. 254–280.
13. Gentilini U., Grosh M., Rigolini J., Yemtsov R. Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence and Practices. Washington, 2020.
14. Haushofer J., Shapiro J. Household Response to Income Change: Evidence from an Unconditional Cash Transfer Program Kenya. Abdul Latif Jameel Poverty Action Lab, Cambridge, MA, 2013.
15. Jones D., Marinescu I. The Labor Market Impacts of Universal and Permanent Cash Transfers: Evidence from the Alaska Permanent Fund. NBER Working Paper 24312. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2018.
16. Kangas O., Jauhiainen S., Simanainen M., Ylikännö M. The basic income experiment 2017–2018 in Finland: preliminary results. Ministry of Social Affairs and Health, Helsinki, 2019.
17. Kaufman C. Universal Basic Income: Is Now the Time? [Электронный ресурс]. URL: <https://policy-perspectives.org/2020/04/22/universal-basic-income-is-now-the-time/>
18. Lowrey A. Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World. New York: Crown, 2018.
19. Salehi-Isfahani D., Mostafavi-Dehzoeei M. H. Cash transfers and labor supply: Evidence from a large-scale program in Iran // Journal of Development Economics. 2018. № 135. Pp. 349–367.